

Информация для цитирования:

Кокова Д. А. Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2(68). С. 234–250. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.

Kokova D. A. *Publichno-pravovaya i chastnopravovaya priroda semeynogo pravootnosheniya* [Public-Law and Private-Law Nature of Family Legal Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 2(68). Pp. 234–250. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.

УДК 347.61/.64

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250

Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения

Д. А. Кокова

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

Чегемский нотариальный округ Кабардино-Балкарской Республики

E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.04.2025

Введение: дуализм в праве, обусловленный дифференциацией сфер частного и публичного права, получил обстоятельное теоретическое осмысление, однако не был рассмотрен ранее в фокусе семейных правоотношений. В рамках настоящего исследования предпринята попытка комплексного изучения научных теорий, объясняющих механизм разделения права на частное и публичное (теории предмета правового регулирования и теории метода правового регулирования), а также их взаимосвязи с материальными и формальными критериями деления права на частное и публичное. Особое внимание уделено выяснению публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения в контексте дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли права. Предлагается вопрос о принадлежности семейного права к частному или публичному трансформировать в решение проблемы баланса в соотношении частных и публичных интересов. **Цель:** формирование научного представления о семейном правоотношении через призму теории дуализма права, а также теории интереса, выполняющего критериальное значение в рамках предлагаемого концепта. **Методы:** онтологической составляющей настоящего научного изыскания выступил традиционный нормативизм, предопределивший алгоритм познания объекта изучения. При подготовке исследования автор исходил из представления о всеобщей связи явлений и процессов, обстоятельно аргументированной в рамках материалистической диалектики. Широко применялись общенаучные методы, включая индукцию, дедукцию, аналогию, абстрагирование, сравнение и др. Акцентируя внимание на значении частноправовых методов, использованных в ходе исследования, необходимо отметить следующее: благодаря догматическому правовому методу была воссоздана действительная картина публично-правового и частноправового регулирования семейных отношений; в процессе толкования правовых норм семейного и иного отраслевого законодательства был уяснен смысл правовых предписаний, что позволило аргументировать сформулированные в работе выводы; в результате опоры на историко-правовой метод автору удалось проследить эволюцию научных представлений о дуализме в праве, о самостоятельности семейного права как отрасли права и т. п. Кроме того, большое значение для настоящего изыскания имел межотраслевой метод, позволивший учесть межотраслевые отношения семейного права и взаимосвязанных с ним отраслей права. **Результаты:** доказано, что выяснение публично-правовой или частноправовой направленности охраняемого интереса позволяет определить и соответствующую этому интересу правовую

© Кокова Д. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

природу семейных правоотношений. **Выводы:** выяснено эвристическое и методологическое значение деления права на частное и публичное для современной семейно-правовой доктрины; доказана принципиальная невозможность однозначной констатации публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения; на конкретных примерах показано критериальное значение интереса при определении частноправового или публично-правового воздействия на общественные отношения; в системном виде приведены доказательства самостоятельности семейного права как отдельного элемента российской правовой системы; аргументирована действительная потребность в легальной дефиниции понятия «семья».

Ключевые слова: дуализм в праве; семейное правоотношение; охраняемый законом интерес; критериальное значение интереса; баланс частных и публичных интересов; легальный семейно-правовой терминологический аппарат; понятие «семья»

Public-Law and Private-Law Nature of Family Legal Relations

D. A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
Chegem Notarial District of the Kabardino-Balkarian Republic
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Received 22 Apr 2025

Introduction: *legal dualism, conditioned by the differentiation of the private and public law spheres, has been given a thorough attention in theoretical studies but was never considered with a focus on family legal relations. This paper attempts to comprehensively study scientific theories explaining the mechanism of separation of law into private and public (theories of the legal regulation subject and theories of the legal regulation method), as well as their relationship with the material and formal criteria for dividing law into private and public. The study pays special attention to clarifying the public-law and private-law nature of family legal relations in the context of discussing the independence of family law as one of the branches of law. It is proposed to transform the question of classifying family law under private or public law into solving the issue of the balance of private and public interests. The **purpose** of the study is to form a scientific understanding of family legal relations through the prism of the theory of dualism of law as well as the theory of interest as performing the function of a criterion within the framework of the proposed concept. **Methods:** traditional normativism served as the ontological component of this scientific study and predetermined the algorithm for the research object cognition. The author took as a premise the idea of a universal connection between phenomena and processes, thoroughly substantiated within the framework of materialistic dialectics. The study employed general scientific research methods, including induction, deduction, analogy, abstraction, comparison, etc. Special scientific methods were particularly helpful: the actual picture of public-law and private-law regulation of family relations was outlined using the dogmatic legal method; the meaning of legal regulations was clarified in the process of interpreting the legal norms of family legislation and legislation of other branches, which made it possible to substantiate the conclusions formulated in the work; the historical-legal method helped the author trace the evolution of scientific ideas about dualism in law, about the independence of family law as a branch of law, etc. In addition, the inter-branch method was of great importance for this study since it made it possible to take into account the inter-branch links between family law and the related branches of law. **Results:** the study has proved that revealing the public-law or private-law focus of the protected interest makes it possible to determine the legal nature of family legal relations that corresponds to this interest. **Conclusions:** the heuristic and methodological significance for modern family law doctrine of dividing law into private and public is clarified; the fundamental impossibility is proved of identifying family legal relations as those having unambiguously public-law or private-law nature; specific examples show the critical importance of interest in determining private-law or public-law effects on social relations; the paper presents evidence of the independence of family law as an individual element of the Russian legal system; the need for a legal definition of the 'family' concept is substantiated.*

Keywords: dualism in law; family legal relationship; legally protected interest; interest as a criterion; balance of private and public interests; family law terminology; 'family' concept

О дуализме в праве

Изучение дуализма в праве стало своеобразной цивилистической традицией: без обращения к делению права на частное и публичное не обходится ни одно фундаментальное частноправовое исследование. Согласимся с О. А. Кузнецовой в том, что «принцип сочетания (баланса) частных и публичных интересов является общеправовым и рассматриваемая проблема баланса данных явлений не может рассматриваться исключительно как цивилистическая» [21, с. 88]. К сожалению, в научно-исследовательский фокус так и не попали вопросы, связанные с влиянием этой дихотомии на семейные правоотношения. Исключением из этого следует признать разработки О. Ю. Ильиной, специально посвященные сочетанию частных и публичных начал в семейном праве [14, с. 80–108].

Интерес к дуализму в праве проявляли еще дореволюционные ученые-юристы. Так, И. А. Покровский считал, что дуализм в праве «составляет базис научной и практической классификации правовых явлений» [29, с. 37]. Г. Ф. Шершеневич, признавая общепринятым деление права на частное и публичное, задавался вопросом о том, «где находится межевая черта между гражданским и публичным правом» [41, с. 9]. «Слабым местом» теории деления права на частное и публичное всегда был критерий такого деления. Подавляющее большинство правоведов являются сторонниками теории интереса, выполняющей критериальное функциональное назначение применительно к исследуемой дихотомии. Современная наука исходит из выделения, главным образом, двух теорий, объясняющих механизм разделения права на частное и публичное: теории предмета правового регулирования и теории метода правового регулирования. Эти теории тесно связаны с материальными и формальными критериями деления права на частное и публичное.

Сторонники материальных теорий исходят из необходимости выяснения круга общественных отношений, регулируемых правом. В научной литературе предложена дифференциация представителей этих теорий на две группы.

К первой группе относятся приверженцы научного концепта римского юриста Ульпиана, впервые предпринявшего попытку осмысления деления права на частное и публичное. Г. Ф. Шершеневич, будучи сторонником теории предмета правового регулирования, при делении права на частное и публичное предлагал руководствоваться как кругом общественных отношений, подпадающих под правовое регулирование, так и формой защиты нарушенного права [41]. Вслед за ним В. Ф. Попондопуло добавил, что критериальное значение имеет характер интереса: у частных лиц наличествует частный интерес, а представители публичной власти реализуют общий интерес [30, с. 24]. По поводу разграничения этих интересов Н. М. Коркунов привел интересные замечания, принадлежащие авторству древнеримских ученых-

юристов. Так, в делении интересов на частные и публичные они усматривали сложную аргументацию, с одной стороны, отрицая существование публичных интересов как таковых и констатацию охраны правом только частных интересов, а с другой стороны – придавая особое значение общим интересам, реализация которых предполагается через призму частных [17, с. 165–183]. Определяя соотношение правовых и нравственных регуляторов общественной жизни, В. Соловьев сделал весьма интересные замечания, имеющие большое значение для теории деления права на частное и публичное. Так, он подчеркнул, что право устремлено к общей пользе, но ее обеспечение имеет смысл только в том случае, когда интересы всех членов общества гармонично сочетаются между собой, что сложно достижимо [34, с. 6].

Ко второй группе относятся представители материальной теории, по мнению которых критерием деления права на частное и публичное следует признать имущественный или личный (неимущественный) характер отношений, регулируемых правом. В основу обозначенного концепта заложена идея о том, что предметом регулирования частного права выступают имущественные отношения, а предметом регулирования публичного – личные (неимущественные) отношения.

В отличие от теорий предмета правового регулирования, теории метода правового регулирования в науке именуют «формальными». В основе «формальных» теорий лежит базовая идея о том, что в публичном праве инициатива охраны исходит от публичной власти, а в частном – от участников частных правоотношений. Теории метода правового регулирования представлены, главным образом, следующими тремя теориями: теорией инициативы защиты, теорией различия положения субъектов в правоотношении, теорией разделения права на частное и публичное в зависимости от характера правовых норм. Каждая из этих теорий имеет своих сторонников и противников, а также характеризуется «сильными» и «слабыми» сторонами. Согласно теории инициативы защиты, публичное право защищается по инициативе государственной власти, а частное право – по инициативе частного лица. Однако недостаток этой теории заключается в том, что она не отвечает на вопрос, почему те или иные отношения защищаются по-разному. Теория различия положения субъектов в правоотношении базируется на следующей дифференциации: публичные отношения – это отношения, в которых наличествует субъект, наделенный властными полномочиями, а частные отношения – это связь равноправных участников. Согласно теории разделения права на частное и публичное в зависимости от характера правовых норм, диспозитивные нормы частного права предоставляют участникам соответствующих отношений свободу в выборе варианта поведения, а нормы публичного права оставляют значительно меньше места для свободы волеизъявления.

Частноправовые и публично-правовые элементы в семейном праве

Подчеркнем, что современное правовое регулирование семейных отношений отличается объективно обусловленным сочетанием частноправовых и публично-правовых элементов. Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения нередко исследуется в контексте дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли права, имеющей дореволюционные истоки. Так, по версии Г. Ф. Шершеневича, семейное право следовало считать частью гражданского [41, с. 13], а по версии Д. И. Мейера – семейное право надлежало признавать самостоятельной отраслью права ввиду особого личного качества семейных правоотношений [24, с. 33–34]. В современной семейно-правовой доктрине большинство ученых поддерживают именно этот взгляд [44; 46; 48; 61; 74].

О. А. Серова достаточно верно подметила: «Чтобы провести разделительную линию между частным и публичным, рамки отраслевого подхода представляются недостаточными. Требуется новое видение взаимодействия социально-экономических и политических процессов и межотраслевой модели правового регулирования общественных отношений» [33, с. 279]. Действительно, оптимальное соотношение публичных и частных начал должно определяться прежде всего конкретно-историческими рамками, что в полной мере характерно и для семейного права [45; 52; 69; 71].

А. Н. Левушкин справедливо обратил внимание на устойчивую тенденцию олицетворения императивного метода правового регулирования с публичным правом, а диспозитивного – с частным правом [23]. Применительно к семейному праву И. Ф. Александров отметил императивность большинства норм семейного законодательства, которую он связывает с преимущественно публично-правовым регулированием семейных отношений [1, с. 165]. Солидарен с ним и В. А. Егупов, признающий важность частноправового сегмента семейно-правового регулирования при одновременном признании примата публично-правовых начал в нем [11]. Аналогичной точки зрения придерживается и Г. В. Богданова, заключившая о публичном характере семейного права как отрасли права [5, с. 8].

Интересную позицию в этом вопросе занимает О. Ю. Дерюшева, отмечающая следующее: «Индивидуально-правовое (договорное, частное) регулирование не является доминирующим фактором (инструментарием) в рамках семейного права и занимает относительно небольшую долю в семейно-правовом регулировании, в то же время публично-правовое регулирование в семейной сфере не господствует над частноправовым (договорным) регулированием, дозволительными способами (средствами, приемами) метода семейно-правового регулирования» [8, с. 67]. По мнению А. А. Исаенкова, в семейном

праве приоритетен частный интерес и с его позиции следует рассматривать межотраслевые институты [15, с. 27]. Аналогичный взгляд на природу семейных отношений выражен и в зарубежной исследовательской литературе по семейному праву [63; 67]. Б. А. Джандарбек склоняется к точке зрения о том, что «нормы семейного права сейчас в большей степени выступают регулятором частноправовых отношений» [9, с. 30].

В семейно-правовой доктрине наряду с признанием за семейным правом публично-правовой или частноправовой природы существует концепция квалификации этой отрасли права в качестве комплексной. Обозначенная концепция снимает многие затруднения и является вполне удачной. Идея существования комплексных отраслей права подверглась обстоятельной научной разработке в трудах Ю. К. Толстого, считавшего, что таким отраслям права не свойственно предметное единство, а также наличие специфического метода правового регулирования [36, с. 45].

Таким образом, установление публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения можно производить по различным критериям, в том числе формальным и материальным, однако системообразующее значение имеет только такой материальный признак, как интерес. Выяснение публично-правовой или частноправовой направленности охраняемого интереса позволяет определить и соответствующую этому интересу правовую природу семейных правоотношений.

Анализ большинства норм семейного права наглядно демонстрирует гармоничное сочетание в них частного и публичного интересов, диспозитивных и императивных способов воздействия. К примеру, вступление в брак, а также его расторжение сопровождаются определенным процедурным оформлением, в котором участвуют органы записи актов гражданского состояния. Однако признать правоотношения по вступлению в брак, равно как и по его расторжению, исключительно публично-правовыми не представляется возможным, поскольку оба из названных актов гражданского состояния являются проявлением индивидуальной, свободно выраженной воли участников семейных правоотношений.

На наш взгляд, вопрос о принадлежности семейного права к частному или публичному следует трансформировать в решение проблемы баланса в соотношении частных и публичных интересов. Это предопределяет необходимость выяснения категории интереса в разграничении частного и публичного права. Такой методологический подход к выяснению публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения детерминирован тем, что публичный и частный интерес являются основой соответственно публично-правового и частноправового регулирования в той или иной области семейных отношений. Следует согласиться с О. Ю. Ильиной в том, что семейному праву свойственно уникальное

сочетание частных и публичных интересов, что отличает данную отрасль права от всех иных [14, с. 104]. По этому поводу А. Н. Левушкин пишет следующее: «некоторые направления модернизации правового регулирования семейно-правовых институтов обусловлены публичной деятельностью государства и иных публично-правовых образований, их ролью в области частного и публичного права» [22, с. 39]. При этом семья как социальный институт подвергается сдерживающе-стимулирующему воздействию: при помощи публично-правовых средств законодатель, с одной стороны, задает определённые рамки семейных правоотношений (например, провозглашая браком союз мужчины и женщины), а с другой – стимулирует участников семейных правоотношений к тому или иному поведению (например, предоставляя социальные гарантии семьям, имеющим детей).

Акцентируя внимание на термине «порядок», который используется в статье 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), А. Ю. Косяков делает вывод о наличии публичных начал в семейном праве, которые выполняют преимущественно организующее функциональное предназначение [20, с. 18]. В данном случае имеется в виду организационно-процедурный сегмент семейных правоотношений, отличающихся административной природой. К примеру, речь идет о деятельности органов записи актов гражданского состояния по выполнению возложенных на них полномочий в части регистрации заключения и расторжения брака, а также иных актов гражданского состояния. Представляется, что несмотря на то что обозначенная деятельность носит публичный характер, она осуществляется в целях охраны как частного интереса участников семейных правоотношений, так и публичного интереса государства.

Об интересах, охраняемых семейным правом

На наш взгляд, выяснение публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения необходимо производить через призму установления соответствующих интересов, охраняемых семейным правом. Ю. Г. Долгов предложил рассматривать охраняемый законом интерес в качестве способа удовлетворения потребностей участников семейных правоотношений [10, с. 11]. При этом в интерпретации обозначенного исследователя частноправовые начала в сравнении с публично-правовыми являются преобладающими в семейном праве. Противоположной точки зрения придерживается В. В. Ганага – по мнению исследователя, цивилистическая традиция квалификации семейного права отраслью частного

права, в которой преобладает диспозитивное правовое воздействие, является ошибочной [7].

Как показывает анализ научной литературы, чаще всего публичный интерес в семейном праве связывают с реализацией функций, возложенных на семью и значимых для государства. В. В. Ганага, описывая механизм реализации государством социальной функции в семейном праве, размышляет о так называемых императивах социальной безопасности [7, с. 81]. Например, таковыми являются требования, предъявляемые к лицам, вступающим в брак, в части достижения ими определенного возраста (ст. 13 СК РФ). Конституционный Суд РФ обосновал причину, по которой брачный возраст в Российской Федерации установлен именно в восемнадцать лет, следующим образом: презюмируется достижение биологической и психологической зрелости¹. Примечательно, что право органов местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, по их просьбе и при наличии уважительных причин разрешать вступление в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет (п. 1 и 2), а также право субъектов Российской Федерации своими законами определять порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, истолковано Конституционным Судом РФ через призму интересов – «исходя из конституционно значимых интересов охраны семьи и ребенка». Добавим, что проблематика учета «наилучших интересов детей» широко изучается и в зарубежной исследовательской литературе [47; 53; 64; 76; 82].

К императивам социальной безопасности следует отнести все обстоятельства, препятствующие заключению брака, поскольку их наличие с неизбежностью ставит под сомнение нормальное функционирование семьи. Следовательно, вступление в брак при наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака, затрагивает публичный интерес. В Обзоре судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 14 декабря 2022 г., отмечается, что «если брак заключен с нарушением требований статьи 14 СК РФ, то есть вопреки указанным в ней препятствиям, право обратиться с требованием о признании такого брака недействительным предоставлено наследникам, считающим, что их права заключением этого брака нарушены»². Таким образом, несмотря на публично-правовую сущность норм, регулирующих условия и порядок заключения и расторжения брака, они предназначены для охраны частного интереса участников семейных и в некоторых случаях наследственных правоотношений. Добавим, что

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 окт. 2008 г. № 568-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 дек. 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3 (март).

государственная регистрация заключения брака, равно как и государственная регистрация расторжения брака, основана на добровольном волеизъявлении участников семейных правоотношений, руководствующихся при принятии решений частным интересом.

По мнению О. Ю. Ильиной, сочетание частно-правовых и публично-правовых начал в рамках семейного законодательства находит воплощение в нормах, определяющих порядок установления отцовства, изменения фамилии и имени, а также в нормах, устанавливающих нотариальное удостоверение сделок, совершаемых участниками семейных правоотношений [14, с. 107]. А. М. Рабец обратила внимание на то, что для семейного права характерно сочетание частного и публичного интересов. Так, она пишет следующее: «...среди частных интересов приоритетным является обеспечение безопасности ребенка, т. е. реализация в ходе устройства детей, оставшихся без попечения родителей, права на защиту от злоупотреблений со стороны лиц, заменяющих родителей, что гарантировано статьей 56 СК РФ. Публичный интерес в данных отношениях выражается в существующей потребности общества и государства в здоровых, образованных детях, получающих семейное воспитание и находящихся под защитой семьи» [32, с. 102].

Об интересах слабых участников семейного правоотношения

Представляется, что в семейном праве найдется немало конкретных примеров, наглядно демонстрирующих сочетание частных и публичных интересов. К примеру, в контексте представленных рассуждений заслуживает внимания проблема слабых участников семейного правоотношения. В научной литературе справедливо подчеркивается следующее: «публичный интерес в семейном праве удовлетворяется возвышением частного интереса слабой стороны семейного правоотношения» [7, с. 77]. В зарубежной цивилистике также обращается внимание на обозначенную проблематику [49; 58; 66; 79]. Так, в одном из исследований отмечается, что государство играет жизненно важную роль в защите уязвимых участников семейных правоотношений [43]. Зарубежные исследователи частного права нередко исходят из концепции государственного признания как способности

проследивать связи и определять нормативные рамки, что позволяет сохранять фильтрующую роль государства [81].

Права С. О. Карибян, которая прямо пишет следующее: «несмотря на частно-публичное правовое регулирование отношений, вытекающих из брака и принадлежности к семье, полагаем, что вмешиваться в “тонкую материю” семейных отношений государство может только в особых случаях, при защите “слабой” стороны» [16, с. 17]. Так, семейное законодательство исходит из равенства мужчины и женщины, что, как отмечает М. В. Ульянова, «позволяло бы говорить об отсутствии слабой стороны в супружеских или родительских отношениях» [38, с. 23], однако присутствие в семейных правоотношениях слабой стороны обусловлено фактическим неравенством участников этих отношений. Действительно, например, слабыми участниками семейных правоотношений являются прежде всего несовершеннолетние дети. Именно поэтому российское семейное законодательство исходит из принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ). На необходимость соблюдения баланса между интересами несовершеннолетних детей и их родителей в свое время обратил внимание ЕСПЧ, подчеркнув, что «в процессе соотнесения этих интересов приоритетом являются интересы ребенка, которые в зависимости от их характера и значения могут перевешивать интересы родителей»¹.

Л. Ю. Михеева подчеркивает, что «...для всех, кто хотел бы развивать науку семейного права и семейное законодательство, интересы “слабой” стороны семейного правоотношения должны оставаться главенствующими» [26]. Подчеркнем, что недавние изменения семейного законодательства коснулись и слабой стороны. Так, в результате принятия Федерального закона от 31.07.2023 № 403-ФЗ «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 403-ФЗ)² законодатель уточнил перечень лиц, имеющих право на получение алиментов³. В доктрине семейного права таких лиц относят к категории слабых сторон семейных правоотношений. В пояснительной записке к соответствующему проекту

¹ Постановление ЕСПЧ от 20 янв. 2011 г. «Дело “Рытченко (Rytchenko) против Российской Федерации (жалоба № 22266/04)”» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 2.

² О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2023 г. № 403-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru>.

³ Так, в их числе названы следующие участники семейных правоотношений: нетрудоспособный нуждающийся супруг; жена в период беременности; супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком в течение трех лет со дня его рождения; нуждающийся супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком – инвалидом с детства I группы, а также: бывшая жена в период беременности, наступившей в период брака; бывший супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком в течение трех лет со дня его рождения; нуждающийся бывший супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком – инвалидом с детства I группы; нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака; нуждающийся бывший супруг, достигший пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака, если супруги состояли в браке длительное время.

отмечалось, что он разработан «в целях обеспечения условий жизни, необходимых для развития, воспитания и образования несовершеннолетних детей, а также направлен на предоставление содержания иным членам семьи, нуждающимся в материальной поддержке»¹. Принятие Закона № 403-ФЗ было во многом обусловлено наметившейся в правоприменительной практике тенденцией определения места жительства ребенка с отцом².

Подчеркнем, что фокус на охране интересов слабых участников семейного правоотношения не ограничивается статьями 89–90 СК РФ. Так, Р. С. Бевзенко подчеркнул, что законный режим имущества супругов «приспособлен для защиты слабой стороны в супружеских имущественных отношениях» [3]. Несмотря на указанное значение законного режима имущества супругов, некоторые ученые-юристы ставят под сомнение целесообразность его сохранения. В научной литературе нередко обращается внимание на превентивный характер нормы пункта 3 статьи 44 СК РФ, охраняющей интересы слабой стороны брачного договора. В данном случае имеется в виду запрет, предъявляемый к сторонам брачного договора, о включении в брачный договор «условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства». Неопределенность перечня таких условий стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который пришел к выводу о том, что «разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе»³. Так, положения брачного договора, лишаящие супруга права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака, были квалифицированы Верховным Судом РФ как условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение⁴.

Ограничение договорной свободы, присущее семейному законодательству, подвергается обоснованной критике. Е. А. Чефранова, рассуждая о перспективах договорного регулирования семейных правоотношений, справедливо подчеркивает, что «если при

принятии Семейного кодекса у законодателя существовали оправданные опасения относительно соблюдения прав и законных интересов граждан при применении ранее неизвестного отечественному законодательству диспозитивного регулирования имущественных отношений супругов (интенция состояла в обеспечении повышенной защиты слабой стороны правоотношения), то за истекшее время в отечественном правовом порядке накоплен значительный опыт договорного регулирования таких отношений» [40, с. 48]. Поддерживая Е. А. Чефранову в ее стремлении расширить сферу договорного регулирования семейных правоотношений, отметим, что потребность в защите интересов слабой стороны семейного правоотношения не утрачивает своей актуальности. Охраняя слабых участников семейных правоотношений и стремясь к обеспечению социального баланса, законодатель в то же время создает правовые предпосылки для реализации частных интересов слабой стороны.

Системообразующее значение интереса как признака семейного правоотношения

Системообразующее значение интереса как признака семейного правоотношения может быть также показано на примере таких правовых категорий, как неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна. Обозначенные категории относятся к персональным данным, которым посвящен отдельный федеральный закон⁵. В соответствии со статьей 2 Закона о персональных данных, он принят в целях «обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну». Анализ легальной дефиниции «персональных данных»⁶ позволяет заключить о достаточно широком подходе законодателя к их трактовке. Отдельного внимания в контексте настоящего исследования заслуживают «специальные категории персональных данных»⁷, обработка которых, по общему правилу, не допускается. Добавим, что проблематика защиты

¹ Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 76938-8 «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24 февр. 2022 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. об этом: Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7 (июль).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 779-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 дек. 2016 г. № 5-КГ16-174 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: <http://pravo.gov.ru> (далее – Закон о персональных данных).

⁶ Так, в соответствии с п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных «персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

⁷ К этим данным законодатель относит: персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни (п. 1 ст. 10 Закона о персональных данных).

конфиденциальности в семейном законодательстве активно изучается и иностранными учеными-юристами, что подтверждается большим количеством научных разработок по этой теме [56; 62; 65; 77].

По справедливому замечанию О. Ю. Ильиной, в условиях повсеместной автоматизированной обработки персональных данных «наша жизнь становится настолько “прозрачной”, что никакие личные и семейные тайны фактически не обладают грифом “элементарной секретности”» [13, с. 350]. Мы солидарны с автором в этом замечании, поскольку в условиях цифровизации частная жизнь гражданина стала значительно более уязвимой, что предопределяет важность изучения отношений, возникающих в связи с использованием и обработкой персональных данных, через призму частных и публичных интересов.

Подчеркнем, что в статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ и статье 23 Конституции РФ употребляется различная терминология, связанная с частной жизнью гражданина. Этим объясняется и дифференциация в подходах к толкованию некоторых смежных категорий («неприкосновенность частной жизни», «личная тайна», «семейная тайна»). ЕСПЧ исходит из довольно широких представлений о частной жизни в целом и семейной жизни в частности, что предопределяет открытый перечень сведений, относящихся к частной и семейной жизни соответственно. При этом в практике ЕСПЧ найдется немало судебных решений, в которых защищалось право на уважение семейной жизни лиц, не состоящих между собой в зарегистрированном браке. Иной подход к субъектному составу отношений, охраняемых понятием семейной жизни, отражен в российском законодательстве и находит воплощение в правоприменительной практике российских судов: семейная жизнь характеризует только родственников, супругов и их детей.

В соответствии с пунктом 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) неприкосновенность частной жизни, а также личная и семейная тайна относятся к числу нематериальных благ. При этом в результате совершенствования гражданского законодательства в части правового регулирования нематериальных благ в ГК РФ появилась новая специальная статья 152.2 «Охрана частной жизни гражданина»². В указанной статье ГК РФ в качестве общего правила предусмотрен запрет на сбор, хранение, распространение и использование сведений о частной жизни лица, в том числе о его личной и семейной жизни. Примечательно, что исключения из этого общего правила и допустимость

сбора, хранения, распространения и использования сведений о частной жизни лица связаны с публичными интересами. Пленум Верховного Суда РФ дал следующие разъяснения: «без согласия гражданина обнародование и использование его изображения допустимо в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ, то есть когда имеет место публичный интерес, в частности если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым»³. Добавим, что личная и семейная жизнь, несмотря на многочисленные подходы к их трактовке, воспринимаются как сфера частных интересов лица, охраняемая государством. На примере этих правовых категорий достаточно ярко прослеживается доминанта частного интереса.

Отсутствие легальных дефиниций таких категорий, как «личная тайна» и «семейная тайна», предопределяет научный интерес к трактовке данных понятий. Так, О. Ю. Ильина исходит из следующего представления о личной тайне: «личная тайна – это любые сведения о фактах, событиях и жизни гражданина, разглашение которых он считает нежелательным и предпринимает меры для того, чтобы эти сведения не стали известными другим лицам» [13, с. 353]. Что касается представления о семейной тайне, то в трактовке О. Ю. Ильиной семейная тайна включает в себя те же сведения, что и личная тайна, однако отношения, связанные с семейной тайной, принципиально отличаются особым субъектным составом, включающим супругов, родителей и детей, а также иных родственников и членов семьи. В юридической доктрине предложены и иные формулировки «семейной тайны», однако существенной дискуссии относительно родовидовых признаков этого понятия не имеется. Остаются нерешенными иные вопросы, связанные с семейной тайной, в том числе: каково соотношение личной и семейной тайны; могут ли сведения, относящиеся к личной тайне, при определенных условиях становится объектом семейной тайны; что является критерием отнесения сведений к интересам только одного лица или интересам семьи в целом; сохраняется ли семейная тайна при прекращении семейных отношений, например, в случае расторжения брака и т. д. В законодательстве отсутствуют нормы права, позволяющие однозначно ответить на эти вопросы.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 24.06.2013). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8 (август).

К числу правовых гарантий семейной тайны следует отнести режим тайны усыновления, предусмотренный статьей 139 СК РФ. Однако и в случае с тайной усыновления возникают схожие с описанными выше вопросы: обязан ли один из усыновителей в случае расторжения брака с другим усыновителем сохранять сведения об усыновлении в тайне; какова ответственность за их разглашение в описанном случае; распространяется ли режим тайны усыновления на супруга, не участвовавшего в усыновлении и т. д.

Примером трансформации сведений, составляющих личную тайну, в информацию, относящуюся к семейной тайне, может быть признано сообщение одним лицом, вступающим в брак, другому лицу, вступающему в брак, результатов своего обследования, составляющих врачебную тайну. При этом заключение брака по тем или иным причинам между указанными лицами будет означать отсутствие у лица, сообщившего такие сведения, правовых гарантий обеспечения права на личную тайну. Справедливым будет подчеркнуть несовершенство семейного и гражданского законодательства в части обеспечения режимом тайны сведений, касающихся применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Дискуссия о соотношении гражданского и семейного права

В научной литературе не прекращаются дискуссии по поводу соотношения гражданского и семейного права, а также разграничения их предметов. А. М. Рабец справедливо заметила, что «вопрос об отраслевой самостоятельности семейного права пока еще является дискуссионным» [32, с. 9]. Проводя четкую грань между семейными и гражданскими правоотношениями, Л. М. Пчелинцева привела конкретные критерии такой дифференциации, заметив, что семейные правоотношения отличаются спецификой юридических фактов, влияющих на их динамику; лично-правовым характером соответствующей связи; неотчуждаемостью семейных прав и обязанностей; стабильностью участников семейных правоотношений [31, с. 28]. Е. А. Чефранова пишет о том, что существенная разница между предметом семейного и гражданского права убедительно доказана в многочисленных научных изысканиях [40]. Такие исследования, безусловно, имеются в большом количестве [49; 54; 55]. О. И. Дерюшева называет семейное право «недавно отпочковавшейся от гражданского права самостоятельной отраслью российского права» [8, с. 70]. Идея об отраслевой самостоятельности семейного права поддерживается большинством ученых-юристов. Интересно, что эта идея нередко аргументируется наличием отдельного акта семейно-правовой кодификации. Примечательно, что интерес к обсуждаемой проблематике демонстрируют и зарубежные исследователи частного права [73]. Так, в одной из работ оспаривается широко распространенное мнение о том, что семейное

право является второстепенной отраслью частного права [68].

Идею отсутствия критериев, позволяющих отграничить семейное право от иных отраслей права, отстаивает М. В. Антокольская [2]. Придерживаясь аналогичной точки зрения, Т. М. Халецкая связывает стремление некоторых ученых к обоснованию уникальности семейных правоотношений не столько со спецификой этих отношений, сколько с их желанием доказать самостоятельность семейного права как отрасли права [39, с. 87]. Заметим, что в науке семейного права найдется немало сторонников признания за семейным правом статуса ведущей подотрасли гражданского права. В свое время М. И. Брагинский, будучи приверженцем обозначенного подхода, отмечал тенденцию к слиянию семейного права с правом гражданским [6, с. 75].

Зарубежные ученые-юристы в своих научных разработках акцентируют внимание на том, что семейное право существенно отличается от иных отраслей права, что обусловлено спецификой регулируемых отношений [72].

С нашей точки зрения, семейное право, обладая собственным предметом и методом правового регулирования, а также некоторыми другими отличительными признаками, характеризующими уникальность этой отрасли (например, наличием специфических юридических процедур, традиционно связанных с регистрацией актов гражданского состояния), является самостоятельной комплексной отраслью, занимающей особое место в российской системе законодательства. Для обоснования этого тезиса считаем целесообразным обратиться к анализу понятия и сущности семьи.

К вопросу о понятии и сущности семьи

Как верно подчеркивает М. Л. Дункан, современное семейное право – это междисциплинарная область, которая учитывает правовые, социологические, психологические и экономические аспекты [50]. Признавая, что семья выступает предметом исследования разнообразных гуманитарных наук, в рамках которых сформировались собственные научные представления о семье, предлагаем в рамках настоящей части статьи сконцентрироваться только на тех концептах, которые представлены в цивилистике.

Несмотря на то что правовым исследованиям свойственно восприятие семьи через призму прав и обязанностей лиц, относящихся к этому союзу, семейно-правовая наука изобилует доктринальными определениями семьи, по-разному объясняющими ее сущность.

Стоит отметить, что в современном обществе происходит существенная трансформация семейных отношений. К примеру, значительной корректировке подверглись традиционные представления о распределении гендерных функций между членами семьи,

на что достаточно часто указывают зарубежные исследователи частного права [51; 57; 60; 70; 75; 78; 80], обращая внимание на то, что меняющиеся семейные устои являются объективной предпосылкой будущих преобразований семейного законодательства. Однако несмотря на это обстоятельство, законодатели разных стран мира по-прежнему ставят брак в основу правового регулирования семейных отношений [59].

Н. Н. Тарусина справедливо обратила внимание на то, что «законодатель отнюдь не избегает дефинировать “общеизвестные понятия”», что подтверждается наличием в семейном законодательстве легальных дефиниций таких понятий, как ребтнок (ст. 54 СК РФ), брак, фиктивный брак (ст. 27 СК РФ), однако не дает легальной дефиниции понятию «семья» [35]. К слову, именно этот аргумент – наличие легальной дефиниции фиктивного брака, в содержании которой употребляется понятие семьи, и одновременно отсутствие легальной дефиниции семьи – используется сторонниками закрепления определения этого понятия в семейном законодательстве.

Потребность в легальной дефиниции понятия «семья» связана и с некоторыми иными нормами семейного законодательства, например, в пункте 1 статьи 1 СК РФ отмечается, что семья охраняется государством, а семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи. В связи с этим эффективный механизм правовой охраны семьи может быть создан только в случае определенности в содержании понятия «семья». В. А. Микрюков справедливо подчеркивает, что семейно-правовая однозначность в этом вопросе достигается в тех случаях, когда установление юридической связи гражданина с семьей предопределяет его правовой статус в иных отраслях [25]. Т. В. Шершень прямо пишет: «представляется логичным закрепить в СК РФ легальное определение понятия семьи» [42, с. 17]. По мнению А. Н. Левушкина, «рассматривая социальную функцию семейного права как основную, следует признать целесообразным легальное закрепление понятия семьи» [23, с. 57]. С позиции Н. Н. Тарусиной, «сей же час следует ускорить открытие указанного понятийного ряда нормативно-правовым конструктом семьи» [35, с. 32]. В науке немало сторонников и иных взглядов на дефинирование понятия «семья».

Вместе с тем большинство представителей семейно-правовой науки исходят из отсутствия потребности в легальном определении семьи, обосновывая

свою позицию различными аргументами. Так, М. В. Антокольская считает это понятие социологическим, лишенным правового содержания [2, с. 8]; И. А. Косарева исходит из того, что дефинирование семьи «не представляется возможным в силу многогранности этого общественного института» [19, с. 25]. По мнению И. А. Трофимец, несмотря на значимость понятийно-категориального аппарата семейного права, потребность в легальной дефиниции понятия «семья» объективно отсутствует, поскольку правовое значение имеет статус «члена семьи», который и нуждается в дефинировании [37]. Действительно, проблема выяснения круга членов семьи является одной из наиболее актуальных. Это связано прежде всего с неопределенностью содержания понятия «семья» и дифференциацией подходов к ее пониманию в рамках нормативно-правовых актов, относящихся к различным отраслям российского законодательства. Так, в некоторых нормативно-правовых актах разной юридической силы предложены перечни лиц, относящихся к членам семьи, для целей соответствующего отраслевого правового регулирования¹.

Одним из наиболее распространенных подходов к определению понятия «семья» является указание на основания ее возникновения и присущих родовидовых признаках. Этот подход был последовательно представлен в трудах дореволюционных, а затем и советских ученых-юристов. С точки зрения Х. В. Белашевой и Ю. Г. Лесковой, «ключевым признаком семьи является институциональная общность, признанная государством и складывающаяся на основе вступления в брачно-партнерские отношения мужчины и женщины, несущих ответственность за здоровье и воспитание детей» [4, с. 34]. Такой подход к пониманию семьи нам не кажется универсальным, хотя некоторые признаки, содержащиеся в указанном определении, действительно характеризуют семью. К примеру, А. А. Елисеева справедливо подчеркивает, что «современные российские семьи в основе своей уже не только не многодетны, но зачастую не имеют даже традиционного состава (родители-супруги и дети)» [12, с. 67].

Поскольку существовавшая ранее аксиома о ведении общего совместного хозяйства в современных реалиях утратила свое определяющее значение для квалификации союза мужчины и женщины в качестве семьи, А. А. Мохов и Ю. А. Свирина полагают возможным рассматривать институт семьи через набор ее базовых функций [27].

¹ Например, речь идет о таких нормативно-правовых актах, как: ЖК РФ (п. 1 ст. 31), ГК РФ (п. 1 ст. 292); Федеральный закон от 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ст. 10); Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О статусе военнослужащих»; Федеральный закон от 15 дек. 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»; Федеральный закон от 20 авг. 2004 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»; Федеральный закон от 14 июня 2011 г. № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О медицинской помощи гражданам Российской Федерации из числа лиц гражданского персонала воинских формирований Российской Федерации, дислоцированных на территориях некоторых иностранных государств, членов их семей и членам семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в этих воинских формированиях, и внесении изменения в статью 11 Федерального закона “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”» и др.

Семейно-правовая наука содержит немало доктринальных дефиниций семьи, предлагаемых различными учеными. Однако все множество определений может быть дифференцировано, главным образом, на два подхода: семья как субъект права и семья как объект права. Идея придания семье качеств субъекта права впервые прозвучала в советских научных исследованиях. Этот взгляд поддерживается и современными учеными-юристами. Так, Ю. А. Королев подчеркнул, что «семья и ее члены могут подвергаться правовому воздействию как единый организм (в отдельных оговоренных случаях)» [18]. Мнение о том, что семья представляет собой объект правовой охраны, было высказано А. М. Нечаевой [28, с. 104]. Представляется, что определение статуса семьи в семейных отношениях составляет основу для выяснения предмета семейно-правового регулирования.

Поддерживая в целом все приведенные выше точки зрения правоведов, по-разному объясняющие понятие и содержание семьи и семейных правоотношений, предложим принципиально иной подход. На наш взгляд, в строгом смысле слова понятие «семья» лишено правового содержания, поскольку под правовое регулирование подпадают только общественные отношения, через которые реализуются охраняемые законом интересы членов семьи. Из этого следует вывод о том, что семья может пониматься, главным образом, в двух основных смыслах: семья как длящееся правоотношение и семья как союз с участием определенных лиц, круг которых обусловлен целями и предметом семейно-правового регулирования.

Выводы

Аргументировано, что деление права на частное и публичное имеет эвристическое и методологическое значение для современной семейно-правовой доктрины и должно использоваться через призму следующих рекомендаций: (1) дуализм права не тождественен противостоянию частного и публичного и не свидетельствует об их конфликтном состоянии; (2) признание сложного сочетания частных и публичных начал в любом правоотношении предопределяет важность поиска их баланса, а также выяснения особенностей конвергенции; (3) определение правовой сущности отдельно взятой нормы права надлежит осуществлять путем выяснения охраняемого ей интереса.

Доказано, что учет дуализма права имеет решающее значение: 1) для законодателя, который при надлежащем определении правовой сущности создаваемой нормы права способен обеспечить эффективное правовое регулирование; 2) правоприменителя, который при корректном выяснении публично-правовой или частноправовой направленности нормы права, подлежащей применению, а также выяснении интереса, охраняемого ей, способен принять решение

в соответствии с волей законодателя и назначением соответствующей нормы права; 3) представителей юридической доктрины, которым надлежит продолжить формирование теории семейного правоотношения с учетом актуальных историко-политических событий и обстоятельств.

Выяснено, что однозначная констатация публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения, несмотря на предпринятые в этом направлении многочисленные научные попытки, представляется невозможной по следующим обстоятельствам: 1) семейное право является комплексной отраслью права и гармонично сочетает в себе публично-правовые и частноправовые элементы; 2) сложная природа семейных правоотношений при их особой социальной ценности предопределяет одновременную охрану частного и публичного интересов.

Анализ конкретных примеров, наглядно демонстрирующих сочетание частных и публичных начал в семейном праве, позволяет сделать вывод о том, что именно интерес выполняет критериальную функцию при определении частноправового или публично-правового воздействия на общественные отношения. Из этого следует принципиальный вывод о том, что публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения предопределяется публичным или частным интересом, находящим отражение в тех или иных нормах семейного законодательства. Следовательно, интерес является системообразующим признаком семейного правоотношения.

Соотношение частных и публичных интересов, наблюдаемое в семейно-правовом регулировании, дает основание для квалификации семейного права в качестве самостоятельной отрасли права. Кроме того, доказательствами самостоятельности семейного права как отдельного элемента российской правовой системы следует признать следующие факты: (1) предметом семейного права являются уникальные по своей сущности семейные правоотношения; (2) в предмет семейно-правового регулирования включены специфические организационные отношения, не имеющие аналогов (государственная регистрация актов гражданского состояния).

Анализ некоторых норм семейного законодательства позволяет сделать вывод об отождествлении таких понятий, как «семья» и «брак», что некорректно с точки зрения разной направленности публично-правовых интересов семьи и частноправовых интересов супругов. С учетом сформулированного определения «семейных правоотношений», раскрытых через призму семьи, считаем необходимым легальное дефинирование понятия «семья». Семья – это единое, длящееся правоотношение, возникающее между супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными) по поводу нематериальных благ, удовлетворяющих их частный интерес.

Библиографический список

1. *Александров И. Ф.* Правовая природа семейного права как самостоятельной отрасли российского права // Проблемы развития предприятий: теория и практика: сборник научных трудов (г. Самара, 16-17 ноября 2017 г.). Самара: Изд-во Самарского гос. экон. ун-та, 2017. С. 162–167.
2. *Антокольская М. В.* Семейное право: учебник. М.: Юристъ, 1996. 336 с.
3. *Бевзенко Р.С.* Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169.
4. *Белашева Х. В., Лескова Ю. Г.* Семейный бизнес: правовые, психологические методы и стимулы функционирования // Гражданское право. 2024. № 3. С. 34–38.
5. *Богданова Г. В.* Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 181 с.
6. *Брагинский М. И.* О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права. М.: Городец, 2000. С. 46–80.
7. *Ганага В. В.* Публичная природа семейного права в контексте социальной безопасности государства (опыт Германии и России) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 75–81.
8. *Дерюшева О. И.* Об особенностях метода семейно-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 4. С. 67–72.
9. *Джандарбек Б. А.* Теоретические взгляды о месте и роли семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 27–31.
10. *Долгов Ю. Г.* Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
11. *Егулов В. А.* К вопросу о месте семейного права в российской правовой системе // Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. С. 603–612.
12. *Елисеева А. А.* Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67–74.
13. *Ильина О. Ю.* Личная и семейная тайна как персональные данные гражданина // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О. Ю. Ильиной: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 348–356.
14. *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
15. *Исаенков А. А.* Родственный и супружеский иммунитеты в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 24–27.
16. *Карибян С. О.* Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 192 с.
17. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Изд-во Юрайт, 1898. 354 с.
18. *Королев Ю. А.* Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.
19. *Косарева И. А.* Условия заключения брака и основания его недействительности // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 26–29.
20. *Косяков А. Ю.* Правоприменение императивных норм общей части семейного права // Российский судья. 2011. № 7. С. 14–18.
21. *Кузнецова О. А.* Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть Закона. 2011. № 4. С. 88–89.
22. *Левушкин А. Н.* К вопросу о понятии, предмете и системе семейного права России и других государств – участников СНГ на современном этапе развития // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 36–39.
23. *Левушкин А. Н.* Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
24. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. Ч. 1. 831 с.
25. *Микрюков В. А.* Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М.: Статут, 2021. 164 с.
26. *Михеева Л. Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.
27. *Мохов А. А., Свиринов Ю. А.* Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1. С. 5–11.
28. *Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.
29. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М.: Статут, 2001. 354 с.
30. *Попондопуло В. Ф.* Частное и публичное право как отрасли права // Цивилистические записки. М.: Статут, 2002. С. 17–40.
31. *Пчелинцева Л. М.* Семейное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2007. 663 с.
32. *Рабец А. М.* Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9–11.
33. *Серова О. А.* «Правовое пространство» гражданского права: проблемы конвергенции частноправового и публично-правового регулирования //

Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.). М.: Статут, 2015. С. 279–283.

34. Соловьев В. Право и нравственность: очерки из прикладной этики. СПб.: Я. Канторович, 1899. 177 с.

35. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 21–33.

36. Толстой Ю. К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // *Правоведение*. 1957. № 1. С. 42–55.

37. Трофимец И. А. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 3. С. 20–23.

38. Ульянова М. В. Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 3. С. 20–25.

39. Халецкая Т. М. О соотношении предметов семейного и гражданского права // *Актуальные проблемы гражданского права*. 2019. № 1-2. С. 87–88.

40. Чефранова Е. А. Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 7. С. 48–54.

41. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.

42. Шершень Т. В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // *Семейное и жилищное право*. 2010. № 6. С. 14–17.

43. Boshier H. P., Kreeger H. J., Czutrin H. G., Spelman J. The Role of the State in Family Law // *Family Court Review*. Vol. 51. Issue 2. Pp. 184–192.

44. Bowles G. The Judges' Role in Family Law // *Family Court Review*. 1970. Vol. 8. Issue 1. Pp. 10–12.

45. Bradley D. Comparative Family Law and the Political Process: Regulation of Sexual Morality in Finland // *Journal of Law and Society*. 2002. Vol. 26. Issue 2. Pp. 175–191.

46. Bradley A. Duress, Family Law and the Coherent Legal System // *The Modern Law Review*. 1994. Vol. 57. Issue 6. Pp. 963–972.

47. Chin-A-Fat B. E. S. Challenges and Changes in Dutch Family Law // *Family Court Review*. 2019. Vol. 57. Issue 3. Pp. 349–354.

48. Cartwright H. S. 21st Century Family Law Perspective // *Family Court Review*. 1989. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–6.

49. Corns Ch. T. Reform for Australian Family Law // *Australian Journal of Social Issues*. 1983. Vol. 18. Issue 2. Pp. 83–89.

50. Duncan M. L. Family Law in the United States // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies*. 2016. Pp. 112–121 DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538.

51. Edwards P. E. Gender Issues in Family Law // *Family Court Review*. 1997. Vol. 35. Issue 4. Pp. 424–442.

52. Elkin M. «The Missing Link in Family Law – Humanism // *Family Court Review*. 1976. Vol. 14. Issue 1. Pp. 3–5.

53. Fernando M. Family Law Proceedings and the Child's Right to be Heard in Australia, the United Kingdom, New Zealand, and Canada // *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 46–59.

54. Firestone G. Models of Collaboration in Family Law // *Family Court Review*. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 200–202.

55. Johnston J. R. Introducing Perspectives in Family Law and Social Science Research // *Family Court Review*. 2006. Vol. 45. Issue 1. Pp. 15–21.

56. Harman J. J. The Protection of Confidentiality in Australian Family Law // *Family Court Review*. 2020. Vol. 58. Issue 1. Pp. 126–141.

57. Heenan A. Neoliberalism, Family Law, and the Devaluation of Care // *Journal of Law and Society*. 2021. Vol. 48. Issue 3. Pp. 386–409.

58. Howe W. J., Scully E. P. Redesigning the Family Law System to Promote Healthy Families // *Family Court Review*. 2015. Vol. 53. Issue 3. Pp. 361–370.

59. Huntington C. Family Law and Nonmarital Families // *Family Court Review*. 2015. Issue 53. Pp. 233–245. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538.

60. Laird S. E. Family Law, Sex and Society: A Comparative Study of Family Law // *Child & Family Social Work*. 2010. Vol. 15. Issue 3. Pp. 385–386.

61. Landau B. Family Law Reform – Where Do We Go from Here: Parent's Rights, Children's Rights and the Development of a Coherent Policy for Balancing of Interests // *Family Court Review*. 1988. Vol. 26. Issue 1. Pp. 29–35.

62. Lempert R. Empirical Research for Public Policy: With Examples from Family Law // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2008. Vol. 5. Issue 4. Pp. 907–926.

63. Lux G., Amundson J. Operationalizing therapeutic jurisprudence in the family law system // *Juvenile and Family Court Journal*. 2024. Vol. 75. Issue 1. Pp. 1–54.

64. Lux G., Gill S. Identifying Coercive Control in Canadian Family Law: A Required Analysis in Determining the Best Interests of the Child // *Family Court Review*. 2021. Vol. 59. Issue 4. Pp. 810–827.

65. Maclean M. Semantics or Sustainability: Socio-legal Research in Family Law, or Sociology of Law and Family Justice // *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue S1. Pp. 61–73.

66. Mahmood S. Sectarian conflict and family law in contemporary Egypt // *American Ethnologist*. 2012. Vol. 39. Issue 1. Pp. 54–62.

67. Malia S. Balancing family members' interests regarding stepparent rights and obligations: A social policy challenge // *Family Relations*. 2005. Vol. 54. Issue 2. Pp. 298–319.

68. Marella M. R. The Non-Subversive Function of European Private Law: The Case of Harmonisation of Family Law // *European Law Journal*. 2006. Vol. 12. Issue 1. Pp. 78–105.

69. Mayer B. Can We Talk? What We Have Learned about How to Have Productive Conflicts About Family Policy and Family Law // *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 1. Pp. 56–63.

70. Meller P. J. A Paradigm Shift in the Practice of Family Law: A Response to Mosten and Traum // *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 461–464.

71. Mosten F. S., Traum L. Interdisciplinary Teamwork in Family Law // *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 437–460.

72. Nigel Fricker Q.C. Family Law Is Different // *Family Court Review*. 1995. Vol. 33. Issue 4. Pp. 395–512.

73. Rathus Z. The Role of Social Science in Australian Family Law: Collaborator, Usurper or Infiltrator? // *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 69–89.

74. Reece H. The Development of Family Law in the Twentieth Century: Informed Reform or Campaigns and Compromises? // *The Modern Law Review*. 2003. Vol. 63. Issue 4. Pp. 608–622.

75. Rosato J. Reforming a Traditional Family Law Professor // *Family Court Review*. 2006. Vol. 44. Issue 4. Pp. 590–594.

76. Scheiwe K. Who is supported? Social security for families with children between family law and social security regulations in Belgium, Germany and the United Kingdom // *International Social Security Review*. 1994. Vol. 47. Issue 3-4. Pp. 45–67.

77. Schepard A. Special Issue on Models of Collaboration in Family Law // *Family Court Review*. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 197–199.

78. Schore A., McIntosh J. Family Law and the Neuroscience of Attachment, Part 1 // *Family Court Review*. 2011. Vol. 49. Issue 3. Pp. 501–512.

79. Subramanian N. Legal Change and Gender Inequality: Changes in Muslim Family Law in India // *Law & Social Inquiry*. 2008. Vol. 33. Issue 3. Pp. 631–672.

80. Swain Sh., Thornton D. Fault, Gender Politics and Family Law Reform // *Australian Journal of Politics & History*. 2011. Vol. 57. Issue 2. Pp. 207–220.

81. Swennen F., Croce M. Family (Law) Assemblages: New Modes of Being (Legal) // *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue 4. Pp. 532–558.

82. Weldon-Johns M. EU Work-Family Policies-Challenging Parental Roles or Reinforcing Gendered Stereotypes? // *European Law Journal*. 2013. Vol. 19. Issue 5. Pp. 662–681.

References

1. Aleksandrov I. F. *Pravovaya priroda semeynogo prava kak samostoyatel'noy otrasli rossiyskogo prava* [Legal Nature of Family Law as an Independent Branch of Russian Law]. *Problemy razvitiya predpriyatiy: teoriya i praktika* [Problems of Enterprise Development: Theory and Practice]: a collection of scientific papers. Samara, 2017. Pp. 162–167. (In Russ.).

2. Antokol'skaya M. V. *Semeynoe pravo* [Family Law]: a textbook. Moscow, 1996. 336 p. (In Russ.).

3. Bevzenko R. S. *Kommentariy k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF* [Commentary to Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2019. Issue 11. Pp. 127–169. (In Russ.).

4. Belasheva Kh. V., Leskova Yu. G. *Semeynyy biznes: pravovye, psikhologicheskie metody i stimuly funktsionirovaniya* [Family Business: Legal, Psychological Methods and Incentives for Functioning]. *Grazhdanskoe pravo* – Civil Law. 2024. Issue 3. Pp. 34–38. (In Russ.).

5. Bogdanova G. V. *Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh i imushchestvennykh otnosheniy mezhdru roditelyami i det'mi: dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Legal Regulation of Personal and Property Relations Between Parents and Children: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 181 p. (In Russ.).

6. Braginskiy M. I. *O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe»* [On the Place of Civil Law in the System 'Public Law – Private Law']. *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava* [Problems of Modern Civil Law]: a collection of articles. Moscow, 2000. Pp. 46–80. (In Russ.).

7. Ganaga V. V. *Publichnaya priroda semeynogo prava v kontekste sotsial'noy bezopasnosti gosudarstva (opyt Germanii i Rossii)* [Public Nature of Family Law in the Context of Social Security of the State (Experience of Germany and Russia)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2015. Issue 5. Pp. 75–81. (In Russ.).

8. Deryusheva O. I. *Ob osobennostyakh metoda semeyno-pravovogo regulirovaniya* [On the Features of the Method of Family Law Regulation]. *Tsvivist* – Civilist. 2023. Issue 4. Pp. 67–72. (In Russ.).

9. Dzhandarbek B. A. *Teoreticheskie vzglyady o meste i roli semeynogo prava* [Theoretical Views on the Place and Role of Family Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2011. Issue 6. Pp. 27–31. (In Russ.).

10. Dolgov Yu. G. *Okhranyaemye zakonom interesy suprugov, roditeley i nesovershennoletnikh detey v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Interests of Spouses, Parents and Minor Children Protected by Law in Family Law of the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.).

11. Egupov V. A. *K voprosu o meste semeynogo prava v rossiyskoy pravovoy sisteme* [On the Place of Family Law in the Russian Legal System]. *Konvergentsiya chastnopravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy skvoz' prizmu effektivnosti prava* [Convergence of Private-Law Regulation of Social Relations Through the Prism of the Effectiveness of Law]: a monograph. Ed. by A. N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. Moscow, 2023. Pp. 603–612. (In Russ.).

12. Eliseeva A. A. *Sem'ya i semeynye tsennosti: podkhody k ponimaniyu v usloviyakh sovremennogo prava* [Family and Family Values: Approaches to Understanding in the Context of Modern Law]. *Aktual'nye*

problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law. 2022. Issue 3. Pp. 67–74. (In Russ.).

13. Il'ina O. Yu. *Lichnaya i semeynaya tayna kak personal'nye dannye grazhdanina* [Personal and Family Secret as Personal Data of a Citizen]. *Garmonizatsiya chastnykh i publichnykh interesov v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Harmonization of Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation]: a monograph. Moscow, 2023. Pp. 348–356. (In Russ.).

14. Il'ina O. Yu. *Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Problems of Interest in Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).

15. Isaenkov A. A. *Rodstvennyy i supruzheskiy immunitety v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Kinship and Spousal Immunities in Civil Proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 1. Pp. 24–27. (In Russ.).

16. Karibyan S. O. *Semeyno-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimerenie* [Family Law Liability: Essence and Law Enforcement]: a monograph. Moscow, 2018. 192 p. (In Russ.).

17. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. St. Petersburg, 1898. 354 p. (In Russ.).

18. Korolev Yu. A. *Sem'ya kak sub'ekt prava* [Family as a Subject of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2000. Issue 10. Pp. 61–66. (In Russ.).

19. Kosareva I. A. *Usloviya zaklyucheniya braka i osnovaniya ego nedeystvitel'nosti* [Conditions for Concluding Marriage and Grounds for Its Invalidity]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian Justice. 2009. Issue 12. Pp. 26–29. (In Russ.).

20. Kosyakov A. Yu. *Pravoprimerenie imperativnykh norm obshchey chasti semeynogo prava* [Law Enforcement of Mandatory Norms of the General Part of Family Law]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian Judge. 2011. Issue 7. Pp. 14–18. (In Russ.).

21. Kuznetsova O. A. *Printsipy grazhdanskogo prava: sovremennoe sostoyanie voprosa* [Principles of Civil Law: Current State of the Issue]. *Vlast' Zakona* – The Rule of Law. 2011. Issue 4. Pp. 88–89. (In Russ.).

22. Levushkin A. N. *K voprosu o ponyatii, predmete i sisteme semeynogo prava Rossii i drugikh gosudarstv-uchastnikov SNG na sovremennom etape razvitiya* [On the Issue of the Concept, Subject and System of Family Law in Russia and Other CIS Member States at the Current Stage of Development]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2013. Issue 5. Pp. 36–39. (In Russ.).

23. Levushkin A. N. *Napravleniya sovershenstvovaniya Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Directions for Improving the Family Code of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2018. Issue 1. Pp. 55–57. (In Russ.).

24. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]: in 2 pts. Pt. 1. Moscow, 2003. 831 p. (In Russ.).

25. Mikryukov V. A. *Analogiya zakona i analogiya prava v praktike razresheniya semeyno-pravovykh sporov* [Analogy of Statute and Analogy of Law in the Practice of Resolving Family Law Disputes]. Moscow, 2021. 164 p. (In Russ.).

26. Mikheeva L. Yu. *Perspektivy razvitiya semeynogo prava na rubezhe desyatiletii* [Prospects for the Development of Family Law at the Turn of the Decade]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2020. Issue 3. Pp. 3–5. (In Russ.).

27. Mokhov A. A., Svirin Yu. A. *Novyy podkhod k ponimaniyu instituta sem'i* [A New Approach to Understanding the Institution of Family]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2024. Issue 1. Pp. 5–11. (In Russ.).

28. Nechaeva A. M. *Semeynoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Family Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2007. 280 p. (In Russ.).

29. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. 3rd ed. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).

30. Popondopulo V. F. *Chastnoe i publichnoe pravo kak otrasli prava* [Private and Public Law as Branches of Law]. *Tsivilisticheskie zapiski* [Civil Law Notes]. Moscow, 2002. Pp. 17–40. (In Russ.).

31. Pchelintseva L. M. *Semeynoe pravo Rossii* [Family Law of Russia]: a textbook for universities. 5th ed., rev. Moscow, 2007. 663 p. (In Russ.).

32. Rabets A. M. *Konstitutsionnye printsipy semeynogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Principles of Family Law of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2023. Issue 4. Pp. 9–11. (In Russ.).

33. Serova O. A. «*Pravovoe prostranstvo*» *grazhdanskogo prava: problemy konvergentsii chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya* [‘Legal Space’ of Civil Law: Problems of Convergence of Private-and-Public Law Regulation]. *Pyatyy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014)]: selected proceedings. Moscow, 2015. Pp. 279–283. (In Russ.).

34. Solov'ev V. *Pravo i нравstvennost': ocherki iz prikladnoy etiki* [Law and Morality: Essays on Applied Ethics]. St. Petersburg, 1899. 177 p. (In Russ.).

35. Tarusina N. N. *Sem'ya kak obshchepravovaya konstruktsiya* [Family as a General Legal Construct]. *Lex Russica*. 2020. Issue 4. Pp. 21–33. (In Russ.).

36. Tolstoy Yu. K. *O teoreticheskikh osnovakh kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva* [On the Theoretical Foundations of the Codification of Civil Legislation]. *Pravovedenie* – Jurisprudence. 1957. Issue 1. Pp. 42–55. (In Russ.).

37. Trofimets I. A. *K voprosu o ponyatiynom apparate semeynogo prava: opredelenie yuridicheskikh kategoriy «sem'ya» i «brak»* [On the Issue of the Conceptual Apparatus of Family Law: Definition of the Legal Categories ‘Family’ and ‘Marriage’]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2024. Issue 3. Pp. 20–23. (In Russ.).

38. Ul'yanova M. V. *Osushchestvlenie i zashchita prav netrudosposobnykh i nuzhdayushchikhsya chlenov sem'i* [Implementation and Protection of the Rights of Unemployable and Needy Family Members]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2022. Issue 3. Pp. 20–25. (In Russ.).
39. Khaletskaya T. M. *O sootnoshenii predmetov semeynogo i grazhdanskogo prava* [On the Relationship Between the Subjects of Family and Civil Law]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* – Actual Problems of Civil Law. 2019. Issue 1-2. Pp. 87–88. (In Russ.).
40. Chefranova E. A. *Nepoimenovannyye dogovory kak osnovanie regulirovaniya semeynykh otnosheniy* [Unnamed Contracts as a Basis for Regulating Family Relations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. Issue 7. Pp. 48–54. (In Russ.).
41. Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [Course in Civil Law]. Tula, 2001. 719 p. (In Russ.).
42. Shershen' T. V. *O prave na sem'yu i probleme opredeleniya ponyatiya sem'i v sovremennom rossiyskom prave* [On the Right for Family and the Problem of Defining the Concept of Family in Modern Russian Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2010. Issue 6. Pp. 14–17. (In Russ.).
43. Boshier H. P., Kreeger H. J., Czutrin H. G., Spelman J. The Role of the State in Family Law. *Family Court Review*. Vol. 51. Issue 2. Pp. 184–192. (In Eng.).
44. Bowles G. The Judges' Role in Family Law. *Family Court Review*. 1970. Vol. 8. Issue 1. Pp. 10–12. (In Eng.).
45. Bradley D. Comparative Family Law and the Political Process: Regulation of Sexual Morality in Finland. *Journal of Law and Society*. 2002. Vol. 26. Issue 2. Pp. 175–191. (In Eng.).
46. Bradney A. Duress, Family Law and the Coherent Legal System. *The Modern Law Review*. 1994. Vol. 57. Issue 6. Pp. 963–972. (In Eng.).
47. Chin-A-Fat B. E. S. Challenges and Changes in Dutch Family Law. *Family Court Review*. 2019. Vol. 57. Issue 3. Pp. 349–354. (In Eng.).
48. Cartwright H. S. 21st Century Family Law Perspective. *Family Court Review*. 1989. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–6. (In Eng.).
49. Corns Ch. T. Reform for Australian Family Law. *Australian Journal of Social Issues*. 1983. Vol. 18. Issue 2. Pp. 83–89. (In Eng.).
50. Duncan M. L. Family Law in the United States. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies*. 2016. DOI: 10.1002/9781119085621.wbef538. (In Eng.).
51. Edwards P. E. Gender Issues in Family Law. *Family Court Review*. 1997. Vol. 35. Issue 4. Pp. 424–442. (In Eng.).
52. Elkin M. The Missing Link in Family Law – Humanism. *Family Court Review*. 1976. Vol. 14. Issue 1. Pp. 3–5. (In Eng.).
53. Fernando M. Family Law Proceedings and the Child's Right to Be Heard in Australia, the United Kingdom, New Zealand, and Canada. *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 46–59. (In Eng.).
54. Firestone G. Models of Collaboration in Family Law. *Family Court Review*. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 200–202. (In Eng.).
55. Johnston J. R. Introducing Perspectives in Family Law and Social Science Research. *Family Court Review*. 2006. Vol. 45. Issue 1. Pp. 15–21. (In Eng.).
56. Harman J. J. The Protection of Confidentiality in Australian Family Law. *Family Court Review*. 2020. Vol. 58. Issue 1. Pp. 126–141. (In Eng.).
57. Heenan A. Neoliberalism, Family Law, and the Devaluation of Care. *Journal of Law and Society*. 2021. Vol. 48. Issue 3. Pp. 386–409. (In Eng.).
58. Howe W. J., Scully E. P. Redesigning the Family Law System to Promote Healthy Families. *Family Court Review*. 2015. Vol. 53. Issue 3. Pp. 361–370. (In Eng.).
59. Huntington C. Family Law and Nonmarital Families. *Family Court Review*. 2015. Issue 53. Pp. 233–245. DOI: 10.1111/fcre.12142. (In Eng.).
60. Laird S. E. Family Law, Sex and Society: A Comparative Study of Family Law. *Child & Family Social Work*. 2010. Vol. 15. Issue 3. Pp. 385–386. (In Eng.).
61. Landau B. Family Law Reform – Where Do We Go from Here: Parent's Rights, Children's Rights and the Development of a Coherent Policy for Balancing of Interests. *Family Court Review*. 1988. Vol. 26. Issue 1. Pp. 29–35. (In Eng.).
62. Lempert R. Empirical Research for Public Policy: With Examples from Family Law. *Journal of Empirical Legal Studies*. 2008. Vol. 5. Issue 4. Pp. 907–926. (In Eng.).
63. Lux G., Amundson J. Operationalizing Therapeutic Jurisprudence in the Family Law System. *Juvenile and Family Court Journal*. 2024. Vol. 75. Issue 1. Pp. 1–54. (In Eng.).
64. Lux G., Gill S. Identifying Coercive Control in Canadian Family Law: A Required Analysis in Determining the Best Interests of the Child. *Family Court Review*. 2021. Vol. 59. Issue 4. Pp. 810–827. (In Eng.).
65. Maclean M. Semantics or Sustainability: Socio-Legal Research in Family Law, or Sociology of Law and Family Justice. *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue S1. Pp. 61–73. (In Eng.).
66. Mahmood S. Sectarian Conflict and Family Law in Contemporary Egypt. *American Ethnologist*. 2012. Vol. 39. Issue 1. Pp. 54–62. (In Eng.).
67. Malia S. Balancing Family Members' Interests Regarding Stepparent Rights and Obligations: A Social Policy Challenge. *Family Relations*. 2005. Vol. 54. Issue 2. Pp. 298–319. (In Eng.).
68. Marella M. R. The Non-Subversive Function of European Private Law: The Case of Harmonisation of Family Law. *European Law Journal*. 2006. Vol. 12. Issue 1. Pp. 78–105. (In Eng.).
69. Mayer B. Can We Talk? What We Have Learned about How to Have Productive Conflicts about Family Policy and Family Law. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 1. Pp. 56–63. (In Eng.).

70. Meller P. J. A Paradigm Shift in the Practice of Family Law: A Response to Mosten and Traum. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 461–464. (In Eng.).

71. Mosten F. S., Traum L. Interdisciplinary Teamwork in Family Law. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 437–460. (In Eng.).

72. Nigel Fricker Q. C. Family Law Is Different. *Family Court Review*. 1995. Vol. 33. Issue 4. Pp. 395–512. (In Eng.).

73. Rathus Z. The Role of Social Science in Australian Family Law: Collaborator, Usurper or Infiltrator? *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 69–89. (In Eng.).

74. Reece H. The Development of Family Law in the Twentieth Century: Informed Reform or Campaigns and Compromises? *The Modern Law Review*. 2003. Vol. 63. Issue 4. Pp. 608–622. (In Eng.).

75. Rosato J. Reforming a Traditional Family Law Professor. *Family Court Review*. 2006. Vol. 44. Issue 4. Pp. 590–594. (In Eng.).

76. Scheiwe K. Who Is Supported? Social Security for Families with Children Between Family Law and

Social Security Regulations in Belgium, Germany and the United Kingdom. *International Social Security Review*. 1994. Vol. 47. Issue 3-4. Pp. 45–67. (In Eng.).

77. Schepard A. Special Issue on Models of Collaboration in Family Law. *Family Court Review*. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 197–199. (In Eng.).

78. Schore A., McIntosh J. Family Law and the Neuroscience of Attachment, Part 1. *Family Court Review*. 2011. Vol. 49. Issue 3. Pp. 501–512. (In Eng.).

79. Subramanian N. Legal Change and Gender Inequality: Changes in Muslim Family Law in India. *Law & Social Inquiry*. 2008. Vol. 33. Issue 3. Pp. 631–672. (In Eng.).

80. Swain Sh., Thornton D. Fault, Gender Politics and Family Law Reform. *Australian Journal of Politics & History*. 2011. Vol. 57. Issue 2. Pp. 207–220. (In Eng.).

81. Swennen F., Croce M. Family (Law) Assemblages: New Modes of Being (Legal). *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue 4. Pp. 532–558. (In Eng.).

82. Weldon-Johns M. EU Work-Family Policies-Challenging Parental Roles or Reinforcing Gendered Stereotypes? *European Law Journal*. 2013. Vol. 19. Issue 5. Pp. 662–681. (In Eng.).

Информация об авторе:

Д. А. Кокова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Кабардино-Балкарский государственный университет
имени Х. М. Бербекова
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173;

Нотариус
Чегемский нотариальный округ
Кабардино-Балкарской Республики
361400, Россия, г. Чегем, ул. Героя России А. С. Кярова, 95в

ORCID: 0009-0002-2618-9852
ResearcherID: NRB-2700-2025

About the author:

D. A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
173, Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia

Chegem Notarial District of the Kabardino-Balkarian
Republic
95v, Geroya Rossii A. S. Kyarova st., Chegem, 361400,
Russia

ORCID: 0009-0002-2618-9852
ResearcherID: NRB-2700-2025